

Алексей Морозов

Отец

18+

Алексей Морозов

Отец

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Морозов А. П.

Отец / А. П. Морозов — «ЛитРес: Самиздат», 2012

ISBN 978-5-5321-2378-6

Все родители желают своему чаду счастья, оберегают от всяческих неприятностей. Но иногда они защищают дитя своё, даже когда надо бы строго спросить с него за проступок, особенно если он совершается уже не впервые, каждый раз становясь всё более серьёзным. И не понимают, кого они в итоге вырастят... Отец любит своего сына. Сын однажды «сходил» против совести. Отец отвёл от него угрозу наказания. Сын «сходил» туда же снова. И снова был прикрыт отцом. В следующем «хождении» против совести сын уже не очень беспокоился о его последствиях... Драму отцовской любви можно сопережить, но нельзя объяснить...

ISBN 978-5-5321-2378-6

© Морозов А. П., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Вступление	5
Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вступление

Что такое отцовская любовь? Плохо, когда её нет. Плохо, когда нет отца.

А если отец есть? И есть его скупая мужская отцовская любовь? Любовь как будто без сюсюканий и излишней, балующей сына, заботы о каждом его шаге и вздохе. Но любовь, не допускающая более-менее серьёзных неприятностей у кровного чада. Ограждающая от ответственности за ошибки, даже если они, постепенно нарастая количественно и качественно, как снежный ком, всё сильнее и сильнее увлекают сына в душевную пропасть невозврата к той, первой ещё, ошибке, когда ещё можно было что-то предпринять, чтобы не было ошибок других, куда более серьёзных и уже неисправимых...

Семидесятипятилетний отец и сорокапятiletний сын любят друг друга. У отца за плечами нелёгкая напряжённая добросовестная и честная трудовая жизнь. Сын спецназовец, мужественно выполнявший свой воинский долг во многих горячих точках, не раз рисковавший жизнью ради родины.

Отец и сын. Нормальная семья. Нормальные отношения. Но однажды сын сходил против совести. Отец укорил, пожурил, призвал к совести, но не к полагающейся за это ответственности...

Сын «сходил» туда же второй раз. И опять только мягкие укоры отца, и собственное участие в решении проблемы ради того только, чтобы по серьёзному от этого «похода» сын не пострадал.

После третьего «хождения» сына против совести уже появляется инвалид... Уклониться от ответственности теперь совсем трудно. Почти невозможно. И опять отец, любя своё дитя, старается оградить его от наказания, хотя уже колеблется, выплёскивая в какие-то секунды сомнения души своей в его поступках...

И только после совершённого сыном убийства отец вдруг прозревает. И понимает, всё уже потеряно. Потеряно время, потеряны единственно верные поступки, но главное – потеряна душа сына, и спасти её, в отличие от спасения тела, уже практически невозможно...

Что такое любовь отца? И что такое любовь сына? И какая любовь определяет чью судьбу?.. Кто виноват в крушении этой судьбы?..

Если бы можно было легко и просто, заранее всё предвидеть... Если бы можно было... Не рушились бы судьбы и души человеческие... Но отцы любят детей, дети любят отцов, и никто не знает заранее, куда выведет судьбу эта любовь...

Часть 1

Глава 1

Людей по времени отхода ко сну и утреннего пробуждения, как известно, делят на сов и жаворонков. Совы раньше полуночи не допускают даже малейшей мысли о том, что пора бы уже отправиться в постель. А жаворонки просыпаются, кажется, раньше настоящих жизнерадостных утренних птичек, от которых к ним когда-то и перекочевало это красивое имя, чтобы суетливо и нервно подготовиться к новому трудовому дню гораздо раньше, чем это требуется по мнению расчётливых и флегматичных сов.

Было то время суток промозглого и дождливого февраля, когда совы, уже наконец тихо и мирно спали, а жаворонки ещё досматривали свои самые последние сны, которые, все это давно заметили, бывают обычно самыми сладкими и интересными.

Главная улица крупного южного города была совершенно пустынна. Ни автомобилей, ни людей вокруг. В широкой и мокрой от только что прошедшего мелкого и скоротечного дождя дороге смутно отражались серые стены больших домов с тёмными глазницами окон, словно две шеренги дисциплинированных солдат, обозначивших навеки её границы. И только в одном месте отражение светилось яркими разноцветными огнями, периодически как будто перемигивающимися между собой. Эту какофонию цвета в пределах, кажется, всего его спектра, выдавали вывеска над огромным зданием, на которой красовались метровые буквы гостеприимной надписи "Ресторан "Вечерний звон", а также высокие залитые светом окна, за которыми весело и беззаботно буйствовала ресторанная публика под неслышные с улицы звуки оркестра и пение одетого во всё белое певца, отчего чёрная бабочка на его сорочке особенно была заметной.

Дверь ресторана шумно распахнулась, и на улицу, сильно шатаясь из стороны в сторону, вышли весело смеющиеся и обнимающиеся на ходу мужчина и женщина. Он был одет в чёрную кожаную куртку, она была в модной светло-серой меховой шубе, в светло-серой же шляпе из того же меха, что и шуба, и, конечно же, тоже в светло-серых сапожках со стразами, которые изредка вспыхивали разноцветными бликами под непрерывно мигающими лучами маленьких светодиодных ламп, гирляндами свисающих с двух чугунных декоративных столбов слева и справа от входа в ресторан. Мужчина, неуверенно качаясь, непрерывно и громко смеялся, язык его сильно заплетался, и он с очевидным трудом тяжело и медленно проговорил по слогам:

– Вот... это... по... гуля... ли!.. Тебе не ка... жется, что мы слег... ка... под... газом?..

Женщина, теряя равновесие, попыталась обойти своего спутника неровным кругом по синусоиде, остановилась, улыбнулась, неразборчиво заговорила с паузами:

– Почему же слег... ка, Игорёк?!.. Я на... качана этим самым... га... зом... – снова потеряв равновесие, она еле удержалась на ногах, – по полной... программе!.. Как газовый... баллон!.. – весело захохотала. – Ха-ха-ха-ха! О-о-й, не могу!.. Сейчас... взорвусь... от избытка... давления!..

Мужчина качнулся как маятник больших настенных часов, но успел поймать нужный момент, чтобы захватить и обнять её за плечи:

– Людочка, спокойно!.. Я... не дам!..

Женщина, шатаясь теперь в одной амплитуде с обнимавшим её другом, пьяно рассмеялась:

– Что... не дашь?..

– Взор... ваться!.. Я сейчас... тебе... спущу... излишки...

Женщина, продолжая смеяться, мягко оттолкнула его:

– Что... спустишь?..

– Ну... газ... избыток давления... чтоб... ну... это... как его... забыл... ну... клапан такой... надо спустить...

Она долго соображает, что ответить:

– А-а-а!.. Газ!.. Не-е... спускать не надо... Сейчас, по крайней мере... Клапан спускной... не работает...

Он с трудом повернул её лицом вперёд и, вихляя вместе с ней в разные стороны теперь уже как единое двухголовое большое и непонятное существо, начал движение прочь от ресторана:

– Ну ладно... Не сейчас... Потом... спущу... Клапан только найду... и всё...

Дверь ресторана вновь с шумом открылась, и на улицу вывалился в богатой серой шубе нараспашку средних лет тучный мужчина. Он тоже был пьян, но в значительно меньшей степени, чем совсем ещё недалеко ушедшие друзья. Мужчина быстро двинулся вслед за ними, очень медленно идущими по какой-то немыслимой кривой траектории, настиг их и, схватив женщину рукой за плечо, грубо и резко развернул её лицом к себе. Женщина чуть не упала.

– В чём... дело, гражданин?!.. – женщина всё ещё с большим трудом и с паузами выговаривала слова. – Вам... не кажется, что... вы слегка... грубы?..

– Мне кажется, что я слегка влюблён!.. – уверенно и громко выкрикнул незнакомец. – Хотя, нет, что это я! Не слегка, я просто обуреваем неопишуемой страстью к вам, мадемуазель! Я сгораю от любви! И я, припадая на одно... – он попытался опустить одно колено на тротуар, но у него из-за его тучности ничего не получилось, – ...колено... – немного покряхтев в нескольких неудачных попытках добиться своего, он махнул в раздражении рукой, – а-а-а, чёрт с ним, с этим коленом, правда?.. Ну какой идиот... придумал этот обычай?.. Женщину надо брать... не дурацкими рыцарскими па-де-де, а силой!.. Верно? Силой и только силой!.. А силы у меня – у-у-у!..

– Гражданин... – Игорь, оставшись без опоры один, еле-еле стоял на ногах, – вообще-то, как бы... между прочим, позвольте вам... заметить, что... это моя жена...

Станный агрессивный мужчина посмотрел только на Людмилу и с раздражением съязвил:

– А это кто тут... тявкает? Бездомный щенок приبلудился?.. Или ещё какая сямка?..

Игорь вдруг перестал раскачиваться, как будто вмиг протрезвел, открыл в изумлении рот, резко встряхнул несколько раз головой, не громко, но угрожающе пробормотал:

– Мужик, ты... перешёл... все границы...

Мужчина в ту же секунду грубо и сильно толкнул Игоря в грудь. Игорь упал на мокрый асфальт тротуара.

– А ты, вообще-то, знаешь, кто я такой? – повернулся он к Людмиле.

Людмила, качаясь, сделала неуверенное движение в сторону упавшего Игоря:

– Да... пошёл ты!.. Гад! – её речь всё ещё была бессвязной, но протрезвление от внезапного шока и свежего воздуха ночной улицы, кажется, уже наступало довольно быстро. – Что ты сделал... с моим... мужём?..

Игорь, оказавшись на тротуаре, не предпринял ни малейшей попытки встать, а, повернувшись на бок и подсунув сложенные ладошка к ладошке руки под голову, тут же начал громко храпеть. Это успокоило Людмилу, и она перестала смотреть на Игоря, переведя всё своё, теперь уже немалое, внимание на нахально ведущего себя незнакомца.

– С мужем?!.. Вот это вот чучело, валяющееся на земле, твой муж?!

– Да, муж! – Людмила почувствовала, как тихо и неумолимо в её уже почти трезвой груди закипает тупая и непримиримая злость к самоуверенно ведущему себя наглецу.

– Ха-ха-ха-ха! – прозвучал прямо над её головой раздражающе противный смех. – Запомни, красотка, твоим мужем теперь буду я, и только я! – Людмила почувствовала, что её грубо и сильно трясут за плечи. – Ты поняла, что говорит тебе глава мафии, – она вдруг увидела боковым зрением широкий жест руками, как будто кто-то пытается охватить этим жестом все близлежащие окрестности, – всего этого района?! А?!..

Людмила была уже почти трезва:

– Прямо-таки всего?.. – не заметить язвительной издёвки было практически невозможно, но вконец обнаглевший хулиган явно не почувствовал в вопросе никакого подвоха.

– Именно! Вот ну буквально всего!..

– О-о-о! Ну это серьёзно! Мафиози районного масштаба! Это звучит... в районном масштабе...

– Да ты спроси любого, кто такой Виктор Викторович Бублик! Все у меня, – прямо перед носом Людмилы замаячил плотно сжатый кулак, – вот здесь!.. Весь район в страхе!..

Людмила с напускной серьёзностью скопировала стиль речи Бублика:

– Вот ну буквально весь?..

Бублик, кажется, наконец понял, что над ним смеются, и уже как будто с некоторым сомнением в правильности собственных слов пробормотал:

– Да, весь...

– Район?..

Внутри Бублика явно происходила некоторая борьба, видимо, желания выглядеть по-прежнему крутым и всесильным с неуверенностью, порождённой смелыми и язвительными словами Людмилы:

– Ну... район... Но весь!.. – плотно сжатый кулак Бублика вновь промелькнул перед носом Людмилы. – Вот здесь! Весь! Понимаешь?! Все дрожат! Все трясутся от страха!..

– И сильно трясутся?..

– Да уж, вибрируют... – в голосе Бублика появилось самодовольство человека, явно не способного отличить очевидную издёвку над собой от искреннего невинного вопроса, – а знаешь, почему?

Людмила вдруг, несмотря на уже почти наступившую трезвость, почувствовала себя усталой и разбитой. Она вяло и равнодушно взмахнула рукой:

– Вот привязался!.. Не знаю, и знать... не жела-а-а-ю!.. И вообще, отвали от меня, районный жулик...

– А я всё равно скажу! Потому что Виктор, значит, победитель! – Людмила, наблюдая за довольной физиономией Бублика, лениво и равнодушно подумала: «Боже мой, он же просто самодовольный и тупой идиот»... – Да-да, именно победитель! Ты поняла или нет?! Победитель! – в голосе Бублика в этот момент зазвучал металл именно победителя, и никак иначе.

– Да-а-а?.. – Людмиле вдруг захотелось рассмеяться, но она с трудом заменила это желание всего лишь язвительной иронией. – Ну так бы сразу и сказал! А то так как-то... и не заметно...

– Да! Победитель! Но ведь я ещё и Викторович! Улавливаешь?..

– Батюшки мои! Прямо-таки ещё и Викторович?.. Ну это уж наверняка что-то да значит!.. А?!.. Как ты думаешь?..

– Конечно, значит!.. – заносчивое самодовольство Бублика вновь заиграло новыми красками. – Дважды, значит, победоносный!.. Победитель победителей, можно сказать!.. Вот так!.. И вообще, Виктор Викторович Бублик – это фигура...

Людмила ехидно перебила:

– Районного масштаба...

Бублик наконец-то окончательно осознал, что над ним явно насмеются, и в его голосе вновь появилась угрожающая грубость:

– Ну ты у меня шас дотяжкаешься, стерва! Районного масштаба! Ишь ты! – перед глазами Людмилы снова появился увесистый кулак Бублика. – В лобезник заеду, масштаб сразу мировым сделается!

Людмила спокойно посмотрела на мирно храпящего Игоря, повернулась к Бублику:

– Да ладно уж, не страшно мне... Ну нисколько... Ты лучше вот что скажи... Ну... Виктор, я поняла... А вот фамилия... Или я не расслышала, или мне показалось спьяну... Как фамилия-то, повтори-ка...

Бублик слегка замялся:

– Ну... фамилия моя, конечно, не дворянская...

– Ещё бы – дворянская! Потому как мне послышалось... Ну-ка, представься даме как положено! Чего мямлишь-то...

Бублик посмотрел с неуверенной подозрительностью на Людмилу:

– Ну... Виктор Викторович... Бублик я... предводитель местной... ма...

Людмила с хохотом перебила бормотание Бублика:

– Кто-кто?!..

Бублик совсем растерялся:

– Ну... Бублик... я... а что?..

Людмила, прерываясь и давясь словами от собственного хохота, еле-еле выдавила:

– Бу... бу... буб... лик?!.. Ой, мне плохо шас будет! О-о-й! Уписаюсь... Нет, перепила я всё-таки сегодня... о-о-й!.. смеяться больно... Буб... лик, значит?!.. Ой, не могу!..

Бублик обиженно и слегка растерянно процедил сквозь зубы:

– Да, Бублик... Виктор Викторович... – как бы в собственное оправдание, немного смягчил он тон, – да, иногда смеются... Вернее, когда-то смеялись... – неожиданно взорвался возмущением, – но теперь-то все у меня вот где! – Людмила увидела замелькавший опять перед её глазами кулак Бублика уже без малейшего страха, но и без желания смеяться, – никто не смеет! А ты посмела...

Людмила, не обращая внимания на выкрики Бублика, спокойно нагнулась над лежащим на тротуаре Игорем, увидела, как он перевернулся на другой бок и опять громко захрапел, разогнулась и решительно двинулась на Бублика:

– Посмела, значит, над тобой смеяться, говоришь?.. А я вот сейчас ещё посмею откусить от тебя кусочек, бублик ты вонючий! И если меня не стошнит, – толкает его руками в грудь, – я тебя тут же и съем целиком! Просто проглочу! Ты меня понял, выродок хлебопекарной промышленности?!..

– Ах так! Ну так я заставлю тебя уважать господина Бублика! – неожиданный сильный удар кулаком в лицо сбил Людмилу с ног, и она упала прямо на спящего Игоря. – Будешь знать, что Бублика не едят, Бублика боятся и уважают! А ты, сучка, шёлковой у меня теперь будешь! Женой шёлковой... И рабыней...

Игорь от падения на него Людмилы проснулся, но остался лежать, озираясь взглядом, полным непонимания происходящего, по сторонам:

– Ребята, а что здесь происходит, а?..

Людмила встала, отряхнула одежду:

– Жену твою бьют! А ты тут храпеть изволишь на мокром тротуаре! Бронхитик не боишься подцепить?..

Игорь остался лежать, только подпёр ладонью голову, и голос его уже говорил о том, что он, немного поспав, полностью протрезвел:

– Нет, а правда, что тут... – задумался на секунду, с трудом встал на ноги, – а-а-а!.. Вспомнил!..

Людмила раздражённо съязвила:

– Ну наконец-то, похрапел маленько и вспомнил! А то ведь я тут, всего-то на всего, бублика свежее испечённого хотела немного поесть, а он вдруг драться начал...

Игорь пока ещё никак не мог окончательно сбросить с себя путы крепкого сна на свежем воздухе, поэтому воспринимал всё не совсем реалистично:

– Кто начал? Бублик?..

– Ну да, Бублик!

Игорь с удивлением хмыкнул:

– А бублики разве дерутся?.. Их же едят... – улыбаясь, сделал рукой движения, какими обычно кладут бублик в рот, – ам-ам-ам...

– Этого съесть трудно... толстый...

Бублик немного растерялся от пробуждения и протрезвления Игоря, запахнул шубу, приосанился:

– Я не толстый! Я просто упитанный... – неожиданно грубо и резко взвизгнул, – и вообще, я бы попросил поосторожнее, без оскорблений!

Игорь не обратил никакого внимания на слова Бублика, помотал головой, стряхивая с себя остатки сна:

– Не врубаюсь... объясни... Почему бублик толстый? Он же ма-а-ленький такой... круглый... с дырочкой... – опять словно положил воображаемый бублик в рот, – ам-ам-ам, и нету бублика...

– Пить надо меньше, совсем отупел!

– А мы пили, между прочим, одинаково... Так что, ещё неизвестно, кто из нас отупел... А ты, кстати, сильна выпить, оказывается... сильна... бублики только стали мерещиться... а так ничего...

– Да какой там – мерещиться! Вот же он! – Людмила раздражённо ткнула пальцем в сторону Бублика. – Натуральный!.. Правда, без дырочки...

Игорь с удивлением посмотрел на злобно сверкающего глазами и демонстративно выставившего руки в боки под накинутой на плечи шубой Бублика:

– Он?.. Он, что ли?.. – подошёл к нему вплотную, обошёл вокруг, с интересом оглядев его с ног до головы со всех сторон. – Всё-таки я не понял, ты хочешь сказать, что, – направляет указательный палец на Бублика, – вот это вот... бублик?..

– Ну да, бублик вонючий...

Бублик внезапно сбросил с плеч шубу:

– Ах вонючий! Ну на тебе ещё! – ударив кулаком в лицо Людмилы и опять сбив её с ног, злобно и язвительно закричал. – Ну а теперь как? Всё ещё вонючий?!.. Или послаще стал?..

Игорь тут же решительно двинулся на Бублика:

– Щас будешь послаще, щас! Совсем сладким будешь, чтоб знал, как на женщин руку поднимать!.. – от сильного удара в лоб Бублик рухнул как подкошенный, ударился головой о бордюр тротуара и затих без движения. – Вот так! Полежи тут, отдохни на свежем воздухе! А мы пойдём, загулялись что-то совсем уже...

Людмила, уже успевшая встать с мокрого тротуара после удара Бублика, подошла к нему, лежащему головой на бордюре без признаков жизни:

– Игорь, я надеюсь, ты не сильно его ударил?

Игорь, в стороне спокойно и равнодушно потирая кулак, оглянулся на Бублика:

– Ага, надейся... Ты, кстати, говорила, он без дырочки?.. Думаю, я устранил этот недостаток...

Людмила встревожилась:

– Так, я всё поняла. Значит, ударил сильно... – подошла к Бублику, пощупала у него пульс, – пульс есть. Но он, кажется, без сознания... Посмотри...

Игорь небрежно усмехнулся:

– Так с дырочкой же теперь... Откуда сознанию взяться?..

Людмила решительно подошла к Игорю, резко дёрнула его за рукав куртки:

– Я тебе удивляюсь! Человек, может, умрёт сейчас! А ты так равнодушен!

Игорь недовольно поморщился:

– О-о-х, так уж и умрёт! Да что ему сделается?.. – наклонился над неподвижным телом, пощупал пульс, раздвинул веки, посмотрел на зрачки, и теперь уже выглядел откровенно растеряно. – Плохо, однако, дело... Он в коме... И, вероятно, надолго... Смотри, – с заметной тревогой он слегка повернул голову Бублика, – кажется, открытый перелом черепа!..

Людмила тоже наклонилась над Бубликом и испуганно вскрикнула:

– Точно, открытый... Вот тебе и дырочка!..

Игорь засуетился:

– Он ведь, может, и впрямь помрёт... Что же делать-то теперь?..

– Зачем так сильно бил-то? – Людмила стала нервно ходить рядом с телом Бублика. – Ты же бывший спецназовец! Ты постоянно должен это помнить, а значит, соизмерять силу своих ударов, если уж приходится их наносить!

Игорь совсем растерялся:

– Так я же...

Людмила схватила обеими руками за голову, с укором посмотрела на Игоря:

– Я, конечно, понимаю, ты защищал жену. Да, я понимаю. Каждый уважающий себя мужчина в подобной ситуации должен это сделать. Но не убивать же обидчика! Убивать-то зачем?!..

Теперь от равнодушной самоуверенности Игоря не осталось и следа, он был очевидно подавленным и полным смятения:

– Да, конечно... ну что ж теперь сделаешь... пойду сдаваться...

– Куда? – Людмила не скрывала своего раздражения.

– Ну как – куда? В полицию, естественно...

– Ага, пьяный в стельку... Ты знаешь, что это отягчающее?..

– Ну не в стельку... Я уже пришёл в себя...

– Ты-то пришёл, а твои промилле, которых в тебе тонна, ещё в себя не пришли!..

Игорь стал неуверенно озираться по сторонам, как будто пытаясь найти ответы своим сомнениям на стороне:

– Ну а что же мне теперь?.. – вдруг схватился за голову. – О боже мой! Что же я делаю!

Людмила от неожиданности вскрикнула:

– Что такое! Что случилось?

– Ну как – что?! Мы же должны немедленно оказать ему помощь!.. И скорую вызвать! Немедленно!.. Через полицию сделаю... – выхватил из кармана брюк мобильный телефон, стал пытаться набрать номер, – ой, забыл, какой номер полиции...

Людмила решительно вырвала у Игоря из рук телефон:

– Совсем с ума сошёл! Ты посмотри на него! Единственная помощь, какую ты можешь сейчас ему оказать, это вызвать скорую!

– Так зачем тогда забрала у меня телефон?

– Ну совсем отупел с перепоею...

– Да трезвый я уже давно!..

– Трезвый, а не соображаешь ни черта. Зачем через полицию-то? Надо прямо в скорую!.. Короче, стой пока здесь, а я вон к тому телефону сбегая, – она показала на телефон-автомат, висящий метрах в тридцати на стене ресторана, – ой, нет, я тоже, кажется, чокнулась уже совсем... Зачем тебе здесь стоять, чтоб застучали на месте преступления?.. Побежали вместе. Но звонить буду я.

– Так мобильный же есть! – Игорь не мог понять замысла Людмилы, – зачем к автомату-то!..

Людмила в раздражении постучала костяшками пальцев по своей голове:

– Ну ты совсем дурак, что ли? Номер твой тут же определяют...

Игорь, кажется, уже действительно ничего не понимал, поэтому на всякий случай неопределённо промычал:

– А-а-а... – но тут же спросил Людмилу, – и всё-таки я не понял, зачем...

Людмила грубо перебила:

– Если ума нет, за секунду, как лампочку в патрон, его в голову не вкрутишь! Давай, беги за мной и не рассуждай о том, в чём ничего не смыслишь!

Игорь и Людмила побежали к телефону, в отдалении висящему на стене ресторана.

Игорь на бегу продолжал задавать Людмиле вопросы, как будто весь его немалый в обычной обстановке разум вдруг куда-то в одну секунду улетучился, и он теперь не понимает даже элементарных, понятных даже детям жизненных проблем:

– Так там же карточка нужна...

Людмила уже подбежала к автомату:

– В скорую бесплатно... – решительно подняла трубку, набрала номер, и вдруг Игорь с удивлением услышал, что Людмила говорит детским голосом. – Алло! Скорая?.. Тут недалеко от входа в ресторан "Вечерний звон" лежит какой-то мужчина с проломленной головой... Он без сознания. Скорее приезжайте, а то он умрёт... Кто я? Девушка... Сколько лет? Семнадцать... Что значит, почему поздно? На свидании была... Ну какая вам разница, как меня зовут? Я себя не назову... Ну почему-почему! Чтобы мама не узнала, где я была... И вообще, вы умирающему помогать собираетесь?.. Сами вы странные... – Людмила достала из сумочки носовой платок, тщательно протёрла им телефонную трубку, повесила её, решительно толкнула в плечо словно окостеневшего от размышлений Игоря. – А теперь рвём отсюда когти, да так, чтоб через минуту и след наш простыл! Вон, в подворотню давай, а там, как говорится, огородами, огородами... Ну что стоишь как вкопанный?..

Игорь очнулся от раздумий, оглянулся по сторонам:

– Ну ты даешь, Людмила...

– Чего я даю?

– Расчётливая такая... И хладнокровная... Трубку вон даже протёрла... Я вот спецназовец, а растерялся...

– Что ты имеешь в виду? Что я бессердечная, да? Человек, дескать, умирает, а она при этом такая расчётливая... Так, да? Ну договаривай, договаривай!

– Да, именно это я и имею в виду...

– Дурак ты, Игорёк. Понимаешь? Полный дурак. И все вы, мужики, дураки. Одно название – сильный пол! А вот в таких ситуациях вы все – безвольные тряпки! Хоть ноги о вас вытирай. Противно даже...

Игорь задумчиво посмотрел на Людмилу:

– Ну и взгляды у тебя... Практичная даже рядом с трупом...

– А мы, бабы, вообще все практически мыслящие существа! Да-да! Именно практически!

– Не то что мы, мужики, да?..

– Конечно! Вы в критический момент всегда жуёте сопли нравственных сомнений! Ах, правильно ли я поступил?! Ах, не пострадал ли кто?!..

– Ну а как же иначе-то? Нельзя же, как слон в посудной лавке...

Людмила с раздражением взмахнула рукой:

– А ты сейчас кто? Не этот самый слон?!.. Натворил дел, а теперь собственные сопли глотает! Смываться надо, Игорёк, а не страдать над тем, чего уже не исправишь!..

– Но ведь я, возможно, убил человека... И, как последний трус, бегу... Надо помочь ему... А я...

– Ну тряпка... просто безвольная половая тряпка... – она решительно схватила Игоря за локоть. – Так, хватит дискутировать. Мы отбежали-то от... него... буквально на тридцать метров. Повяжут ведь сейчас тёпленькими. Хорошо, никого не видать вокруг. Давай выскочим вот этим переулком на параллельную улицу, поймаем такси и поедem домой, а там обо всём поговорим, спокойно всё обсудим, и ты поймёшь, что я была во всём права... – посмотрела с тревогой на Игоря, лицо которого в этот момент недвусмысленно выражало явные сомнения и тяжёлые мысли. – Да пойми же ты наконец, ему сейчас помогут только квалифицированные врачи... Ты только помешаешь...

Игорь в нерешительности оглянулся на неподвижно лежащего в отдалении Бублика:

– Ну... ладно, давай... Только поедem не на нашу квартиру, а к моему отцу.

Людмила недовольно сморщилась:

– В такой поздний час?

Игорь с неожиданной решительностью двинулся вперёд и потянул за собой за рукав Людмилу:

– Мой отец примет меня в любой момент любого времени года и в любом состоянии! Ты поняла?..

Людмила раздражённо вырвала из его цепких пальцев рукав шубы, но при этом послушно и примирительно ответила:

– Ну поняла, поняла. Побежали скорее, пока не повязали...

Игорь в удивлении покачал головой, с безнадёжным видом взмахнул рукой и побежал вслед за уже бегущей Людмилой. Через несколько секунд они оба скрылись за поворотом ближайшего переулка.

Глава 2

Квартира Петра Ивановича Свирина, отца Игоря, была обставлена довольно скромно, но при этом трудно было понять, почему казалось, что здесь живёт довольно состоятельный человек. Наверное, потому что её хозяин обладал настолько тонким дизайнерским вкусом, что в рационально и комфортно организованном интерьере квартиры даже специалисту было бы трудно что-то прибавить или убавить.

За столом, под мягким светом симпатичного абажура, молча и сосредоточенно сидели Пётр Иванович, Игорь и Людмила. На столе ничего не было, только пустая скатерть.

Пётр Иванович глубоко вздохнул и протяжно выдохнул:

– Да-а-а... Ну дела, сынок, ну дела... Хорошо, мать не дожила... Она бы не выдержала этого...

Игорь решительно вскочил, рубанул рукой воздух:

– Отец, я утром прямо пойду сдаваться!

Пётр Иванович ответил неспешно, спокойно и рассудительно:

– Ну зачем же сдаваться, сынок?.. Зачем?.. Чтобы я много лет не видел тебя?.. А скорее всего, при таком раскладе, и вовсе не увижу уже никогда... Мне ведь семьдесят пять, сынок. Ты не забыл об этом?..

Игорь сел:

– Не забыл, отец. Но я живой человек с живой человеческой душой. И я так не могу. Понимаешь? – решительно, по слогам простонал. – Не могу! Я, возможно, убил его. Как ты этого не поймёшь?

Пётр Иванович повернулся к Игорю:

– А если бы он убил твою жену?

– Да уж, убил бы! Слабак толстозадый!..

– Но ведь она дважды падала! – вскинул обе руки вверх Пётр Иванович. – Ударься хоть разок головой о бетонную дорожку, и всё – летальный исход. Так, кажется, в таких случаях говорят врачи?..

Игорь встал, начал ходить по комнате, с раздражением поглядывая то на отца, то на жену:

– Какие вы все расчётливые... И ты, отец, и она...

Пётр Иванович хмыкнул:

– Не без этого, сынок, не без этого...

Игорь кивнул на Людмилу:

– Человек лежит, практически убитый мною, нуждается в помощи, а она голосом семнадцатилетней девушки говорит со скорой, хладнокровно рассчитывает, что нам дальше делать, как драть когти, как она выразилась... от тяжело раненного... И ты, отец, вместо того чтобы понять меня... – язвительно процитировал. – "Ну зачем же сдаваться?.. Чтобы я много лет не видел тебя?.. При таком раскладе..." – резко остановился рядом с отцом. – И у тебя, как и у неё, – ткнул пальцем в Людмилу, – в таком положении может вот тут, – приложил ладонь к своей груди, – быть расклад какой-то, отец?..

– Конечно, сынок. И у меня, и у неё, – Пётр Иванович тоже приложил ладонь к груди, – вот тут, как говорится, полный расклад имеется...

Игорь всплеснул руками:

– Ужас! Я же убил человека! А вы, как бухгалтеры, хладнокровно высчитываете, как бы мне избежать наказания!..

Пётр Иванович тоже встал, подошёл и Игорю, положил ему руку на плечо:

– Ну а как не высчитывать, сынок?.. Она не хочет куковать много лет без мужа. А я останусь навсегда без внуков... Баланс отрицательный получается, если уж действительно бухгалтерским языком изъясняться...

Игорь недовольно снял руку отца с плеча:

– Но ведь, может, ещё и не так много дадут?..

Пётр Иванович, кряхтя, сел на стул:

– Сомневаюсь... Твой спецназовский удар тянет, думаю, лет на пятнадцать, не меньше...

Ну какая же жена такое выдержит, когда ей, к тому же, уже за сорок?..

– Ну и пусть не выдерживает. Пусть замуж идёт. Я же не возражаю.

Пётр Иванович с горечью вздохнул:

– Да если б замуж, а то пойдёт твоя благоверная супружница апосля длительных колебаний в полном и безрадостном одиночестве по рукам... Подстилкой просто-напросто станет для мужиков с повышенным уровнем тестостерона в крови...

Игорь наклонился над лицом спокойно следящей за разговором отца и сына Людмилы:

– Ты слышишь, что про тебя говорят?

– Слышу.

– И это тебя не шокирует? Не обижает? – язвительно проакцентировал прямо в ухо Людмилы каждое слово Игорь. – Подстилочкой, говорят, будешь...

Людмила равнодушно отвернулась:

– А почему это должно меня шокировать и тем более – обижать? Отец-то твой, в отличие от тебя, мудр. Далеко и в корень зрит...

Игорь сел на стул, устало откинулся на его высокую спинку:

– Не вижу никакой мудрости. Почему ты должна пойти по рукам, даже если меня посадят надолго? Тебе чуть больше сорока. Ты ещё очень даже можешь и замуж выйти.

Людмила с горечью хмыкнула:

– Хм... Если бы ты, Игорёк, не только пользовался мною как станком для ежедневного секса, а хоть бы изредка посматривал на моё лицо, в мои глаза, на мои руки, то, возможно, заметил бы, что за двадцать лет жизни с тобой...

Игорь выпрямился, раздражённо перебил:

– Ну что-что-что за двадцать лет жизни со мной?..

Людмила спокойно и грустно продолжила:

– ...глаза мои потускнели...

Игорь вскочил и начал нервно ходить по комнате из стороны в сторону, подчёркнуто демонстративно загибая пальцы:

– Так, раз! Глаза потускнели! Ещё что?..

Людмила не обратила никакого внимания на нервность Игоря:

– ...руки огрубели и смахивают на руки старухи...

Игорь загнул второй палец, резко повысил голос:

– Так, два! Руки стали как у старухи Изергиль!..

Людмила неожиданно всхлипнула:

– ...а кожа на лице покрылась сетью заметных всем, кроме тебя, морщин...

Игорь остановился, постоял в нерешительности несколько секунд, подошёл вплотную к Людмиле:

– Да?.. – наклонился над ней, внимательно посмотрел на её лицо, разогнулся, примирительно и виновато пробормотал, – да, действительно... Но... Люда, мы же все стареем... Это неизбежный процесс... А выглядишь ты всё-таки замечательно...

Людмила вытерла платочком слёзы, всхлипнула снова:

– Ага, так замечательно, что мне уже давным-давно ни один мужчина, кроме этого, вырубленного тобой чудака, не делал комплиментов, даже из простой вежливости...

Игорь виновато-наигранно засмеялся:

– Ещё бы кто посмел!.. Задушу, – показал свои крепкие мускулистые руки, – вот этими руками!..

Людмила на секунду задумалась, вздохнула:

– Душить не придётся... Никому я не нужна... Хроническим тестостеронщикам разве... Ох, все вы, мужики, одинаковые... И тебе я всегда нужна была только для секса, и после тебя любой мужик будет видеть во мне только сексуальный агрегат... Так что, батя твой мудр, Игорьёк...

Пётр Иванович вздохнул:

– Понял теперь, сынок, в чём душевный расклад твоей супруги?..

Игорь недовольно, но примирительно пробормотал:

– Да понять-то понял... Чего ж тут непонятного?

Пётр Иванович с сомнением посмотрел на сына:

– Ну а мой расклад куда проще: он отцовский...

Игорь поморщился:

– Отец, ну ты-то чем недоволен? И тебе я, оказывается, не угодил?

– Да, сынок, не угодил... Я так и не увидел внука. Мне уже семьдесят пять, а внука всё нет... Видишь ли, ты считал, что спецназовцу рискованно заводить детей...

– Конечно, рискованно! А вдруг я погиб бы?!.. Сколько боевых операций у меня было, ты в курсе?..

В голосе Петра Ивановича заметно обозначилась горечь укора:

– Как будто я не смог бы воспитать твоего сына, если что, не дай бог... Так и не завёл для меня внучонка... И жену пустой оставил, и меня без продолжения моего...

Игорь усмехнулся:

– Так, может, и хорошо, что не завёл? Весело было бы моему сыну, пока я, его отец, мотал бы в зоне пятнадцать лет...

Пётр Иванович едва заметно покачал головой:

– Ну как сказать, как сказать... Иногда дед для ребёнка лучше родного отца...

– И лучший помощник одинокой матери... – грустно добавила Людмила.

– Это уж точно... – вздохнул Пётр Иванович.

Игорь в удивлении повернулся к Людмиле:

– Спелись... Прямо в одну дудку дуют... Музыканты одного полка...

– Одного, сынок, одного... – грустно отозвался Пётр Иванович.

Игорь сел на стул, откинулся на спинку, закрыл глаза, вытянул ноги, задумался:

– Ну... может, ты и прав, отец. Может, и прав... Поэтому утром я иду сдаваться...

Пётр Иванович с раздражением вскрикнул:

– Вот ты, ядрёна корень! Ты ему про Фому, а он тебе – про Ярёму! Говорю же тебе, кому мы теперь с ней, супружницей твоей, нужны будем? Скажи, сынок, кому, если тебя посадят?.. Мне жить будет не для кого. А у неё, повторяю, нет детей и рожать уже поздно...

– Ну почему же поздно? Климакса, насколько мне известно, у неё ещё нет. Так что, в самый раз...

– Да потому, сынок, что, когда тебя посадят, на неё мужики, – все без исключения! – уж поверь моего опыту, вовсе не будут смотреть как на возможную мать их детей...

– Не понимаю – почему? – усмехнулся Игорь. – Она же ещё может...

– Ну ты как дитя малое, ей-богу! Да просто по причине критического для этого дела возраста!

– Но есть же рожают и в сорок пять, и даже, я слышал, значительно позже!

Пётр Иванович посмотрел на Игоря как на мало что смыслящего ребёнка:

– Да, если второго, третьего, четвёртого... Да к тому же, при живом муже... А тут...

– Ну что – тут? Что тут? – нетерпеливо и раздражённо прервал рассуждения Петра Ивановича Игорь.

– А тут будут видеть в ней, – и она в этом абсолютно права! – только сексмашину... Вот и всё... Так что, сынок, мы оба с ней практически в одном положении... В положении одиноких, никому не нужных людей.

– И что же мне теперь делать?..

В голосе Пётра Ивановича появилась уверенность человека, твёрдо знающего, как вести себя в этой непростой ситуации:

– Не дёргаться. Жить спокойно. И срочно строгать детей, пока она, – кивнул он головой в сторону Людмилы, – ещё способна к этому нехитрому делу...

Игорь грустно вздохнул:

– Ну да, строгать, зная, что они останутся без отца...

Людмила обречённо и вяло взмахнула рукой:

– Пётр Иванович, по-моему, он просто тупой...

Пётр Иванович невесело усмехнулся:

– По-моему – тоже...

Игорь вскочил, стал возмущённо и с заметной злостью размахивать руками:

– Ну да, конечно, тупой! Убил человека и не планирую расчётливо и хладнокровно своё счастливое и безоблачное будущее!.. Как ты не поймёшь, отец, – ткнул он пальцем в Людмилу, – что ты попал под влияние её хладнокровного жестокого эгоизма! Что она думает только о себе! И меня она, при случае, вот увидишь, обязательно предаст! Такие расчётливые – первые предатели!..

Пётр Иванович медленно и спокойно процедил сквозь зубы:

– Точно тупой... – он тяжело и устало поднялся, подошёл к Людмиле, положил руку на её плечо, в его обычно спокойном голосе появилось непривычное для него возмущение. – Ну как же женщине не быть расчётливой и даже – эгоисткой! Да она по определению – эгоистка, потому что вынуждена думать наперёд даже во время обыкновенного для нас мужиков секса: будет ли ребёнок? как предстоит его воспитывать? в полном одиночестве и нищете? или с весомой помощью его кровного отца?.. Именно поэтому женщина – это другая планета, сынок! Неужели ты до сих пор этого не понимаешь?..

– Ну это-то я понимаю... – Игорь сел на стул, откинувшись на его высокую спинку и лениво вытянув ноги. – Не такой уж я и тупой, как ты думаешь, отец. Но всё равно бабы, уверен, до непорядочности прагматики! – в возмущении оживился он. – Даже в сексе! В постели они, видите ли, думают не об удовольствии, а о будущих детях!.. Я тружусь в поте лица, а она дум высоких полна...

Пётр Иванович в удивлении хлопнул ладошками по бёдрам:

– Людмила, как ты с ним жила все эти годы? Он тебе лекции в постели не читал?..

Людмила улыбнулась:

– О чём?

– Ну так вот, об удовольствии в поте лица...

Людмила скривила гримасу, на которой одновременно проявились и разочарование, и грусть, и тихое спокойное отчаяние:

– Да нет, не читал, к счастью... – на секунду задумавшись, она заговорила так, как будто неспешно с короткими остановками для нелёгких размышлений думала вслух. – А как жила... Это самое удовольствие поставляла ему... прямо в постель... каждый божий день... Как утренний кофе...

Игорь вновь вскочил, снова стал раздражённо размахивать руками:

– Вот видишь, отец! Для неё секс – это утренний кофе! Говорю же, во всём холодный расчёт! Даже в сексе!

Пётр Иванович тяжёло опустился на стул, повернулся к Игорю, недовольно покачал головой:

– Да она же любит тебя, дурак! Не уверен, что кто-нибудь ещё будет тебя так любить... А ты – она даже в сексе расчётливая!.. Секс для нас, мужиков, сынок, давай будем откровенны и честны сами перед собой, одно удовольствие! А о последствиях пусть она думает, женщина... Схема на удивление проста: тебе удовольствие, а ей – думы о его результате...

Игорь опять сел, откинулся на спинку стула, вытянул ноги, но в каждом его движении сквозило ярко выраженное недовольно и раздражение:

– Ну и что из этого? Пусть думает, если ей делать больше нечего!

Пётр Иванович вздохнул:

– Тебе бы тоже не мешало подумать, сынок...

Игорь с удивлением посмотрел на отца:

– О чём?

Пётр Иванович усмехнулся:

– Как избежать тюрьмы...

Игорь опять вскочил:

– Но я же фактически убийца! Ну как её избежишь... Как!..

Пётр Иванович ответил спокойно и уверенно, словно сообщил о давно уже принятом им решении:

– Да как. Скрыться. Спрятаться у меня. И всё... Вот если бы ты сознательно убил его, вот тогда я даже и не пикнул бы. Иди и садись в зону! Заслужил! Но ты из меня, сынок, расчётливого эгоиста, готового идти по трупам, не делай. Этого гада, может, давно пора было прибить, а ты стенаешь: ах, я убил!.. ах, я убийца!..

Игорь стал в раздражении ходить по комнате:

– Ничего себе! И это ты, мой добрый и мудрый отец, говоришь?!.. Пора было прибить?!..

Пётр Иванович спокойно наблюдал за нервными перемещениями сына:

– Конечно, я говорю, твой добрый и мудрый отец! Кто первым стал бить? Скажи? Ты? Нет, он! Да не кого-нибудь, а беззащитную женщину! И если бы ты не вступился за неё, будь уверен, он убил бы её, глазом даже не моргнув!

Людмила оживилась:

– Кстати, заявил мне, что он предводитель местной мафии... Так что бандит ещё тот! И вы правы, Пётр Иванович, прибил бы он меня как муху хлопущей.

Пётр Иванович с интересом посмотрел на Людмилу:

– А вы, ребята, случайно его фамилию не знаете?

– Ну как же, не знаем! – откликнулась Людмила. – Ещё как знаем! Он представился мне. Назвался Бубликом Виктором Викторовичем. Сказал, что весь район вот так, – она сжала кулак, как это неоднократно делал накануне перед её носом Бублик, – в кулаке держит, что все просто в страхе от него!

Пётр Иванович удовлетворённо и весело рассмеялся:

– Ну так сразу бы назвала его фамилию! Я ж его знаю как облупленного! Он такой же предводитель мафии, как я персидский шах!

Людмила воскликнула с надеждой в дрогнувшем голосе:

– Что вы говорите! Так он, значит, мелкота пузатая?!

Пётр Иванович довольно усмехнулся:

– Ну не совсем, конечно, мелкота. Но пузатая... В общем, заправлял он в нашем районе ещё в середине девяностых бандой человек этак в десять, не больше. Рэкетирством, распространённым тогда, промышлял. Деньги вышибал из мелких предпринимателей...

Людмила с удивлением протянула:

– Да-а-а?..

– Да... – со спокойной уверенностью ответил Пётр Иванович. – А я тогда держал у рынка, на людном месте, маленькую сапожную мастерскую. Сам всё делал: и туфли на заказ, и мелкий ремонт. И приходилось этому гаду ежемесячно дань платить, прямо как золотой орде... Теперь, к счастью, рэкети́рство уже в прошлом и выглядит изда́лека каким-то даже смешным. А тогда нам не до смеху было... Я вот из-за этих кровососов даже вынужден был закрыть свою мастерскую: прибыли не стало совсем... А ведь прибыльная до того была!

Людмила махнула рукой так, как обычно отмахиваются от назойливо летающего перед носом насекомого:

– Ну всё равно, выходит, он мелкота вонючая...

Пётр Иванович с сомнением покачал головой:

– Ну как сказать... Конечно, теперь он не держит в страхе весь район. Сам стал мелким предпринимателем. Что-то подешевле покупает и подороже продаёт. Но дела у него, говорят, идут не очень. Так, прибыль есть, но чуть выше средней.

Людмила с облегчением уточнила:

– Значит, сейчас у него банды нет?

– Давно уже нет! – уверенно ответил Пётр Иванович. – Но он до сих пор, говорят, ходит по ресторанам, буйствует там, и громогласно всем объявляет, что он предводитель местной мафии...

Людмила засмеялась:

– Цену себе набивает...

– Да дурак он просто, – возразил Пётр Иванович. – Какая теперь цена у рэкети́ров? Никакой. Позавчерашний день дикого капитализма. Теперь другие времена... Так что, ребята, успокойтесь. Из-за него не станут искать того, кто звезданул его по черепку.

– Даже если очо́чурится?... – Людмила была полна надежды на благополучный исход всей этой истории с Бубликом.

– Конечно! – уверенно ответил Пётр Иванович. – На одного жулика меньше... Он же всех достал, и в первую очередь – полицию.

Людмила с заметным удовлетворением засуетилась:

– Ну так а чего же мы тут все так испереживались тогда, а?

Пётр Иванович хмыкнул:

– А я не знаю, чего. Было бы из-за чего... Так что, давайте-ка ложиться спать. Утро вечера мудренее. Хотя, я гляжу, утро-то уж совсем скоро посветит в окошко... Ну всё, ребята, спать, спать, и ни о чём плохом не думать.

Игорь, сидевший последние несколько минут в тихой задумчивости, кажется, никого не слушая и погрузившись в собственные раздумья, встрепенулся:

– Не думать? А как можно не думать?... Я ведь человека убил, а ты, отец, предлагаешь мне не думать об этом! Не могу я так, отец! Вот ты можешь, а я не могу!

Пётр Иванович немного помолчал, покачал головой:

– Гм, значит, я могу, да?..

– Выходит, можешь... – язвительно отозвался Игорь.

Пётр Иванович внимательно посмотрел на Игоря:

– А ты не можешь?..

Игорь раздражённо вскричал:

– А я не могу!

Пётр Иванович решительно встал, начал медленно ходить по комнате:

– Ну что ж, сынок, ты, как говорят в таких случаях, достал меня. Ей-богу, достал! Поэтому послушай-ка теперь, что я тебе скажу как мужчина мужчине.

Игорь оживился:

– Ну вот это другое дело, отец! Я давно жду от тебя именно мужского разговора, а ты потчуеть меня баснями о несостоявшихся внуках и женской расчётливости!

– Да-да, сынок, ты прав, ты совершенно прав. Надо по-мужски... да... только по-мужски...

– Ну так давай, режь правду-матку, не юли вокруг истины...

Пётр Иванович иронически хмыкнул:

– Гм, красиво говоришь... Истину ищешь... Не поздно ли, сынок?..

Игорь в удивлении поднял брови вверх:

– Что – не поздно?

– Истину, говорю, не поздно ли кинулся искать?..

– Что-то я не пойму тебя, отец. Ты можешь поконкретнее, о чём ты?

Пётр Иванович подошёл к столу, сел на стул:

– А если конкретнее, то я скажу тебе так, главная проблема твоя в том, что червоточина завелась в тебе, в твоей душе, сынок, червоточина...

Игорь недовольно усмехнулся:

– Так уж и завелась!..

– Да, сынок, завелась...

– И давно, по-твоему, завелась?

– Не знаю, как давно, но уж лет десять, как я это заметил...

– Ну если заметил что, так сразу бы и сказал! А то прошло десять лет, – Игорь возмущённо вскинул руки вверх, – и только теперь вдруг – червоточина, червоточина!..

Пётр Иванович ответил спокойно и уверенно:

– А я ведь сразу и говорил. Только слово червоточина тогда не применял, и вся-то разница...

Игорь, в который уж раз, в раздражении вскочил:

– Ну что-что-что ты говорил, и когда?! Ничего не помню...

– Вот-вот, спишь спокойно... Ничего не помнишь... В этом-то и вся твоя червоточина, сынок: спать спокойно после того, как против совести сходил...

– Ну и когда же это я, скажи мне, пожалуйста, против совести ходил? А?

– Ты даже не помнишь, когда кривил душой...

Игорь уверенно вскричал:

– Не помню, потому что не кривил!

– Ну что ж, тогда я напомним тебе всего два эпизода, самых существенных. О мелких уж говорить не стану...

Игорь сел, опёрся локтями о стол, нетерпеливо стал теревить скатерть:

– Ну-ну-ну, давай, давай, придумывай мои прегрешения!

– Придумывать, к сожалению, не приходится... Дорого бы я дал, чтоб это оказалось придумками...

Игорь в раздражении хлопнул ладошкой о стол:

– Отец, хватит философствовать, давай прямо к делу!

– Что ж, к делу, так к делу. Десять лет назад, сынок, ты на своей машине сбил двенадцатилетнего мальчика, сбил и, вместо того чтобы оказать ему помощь и отвезти в больницу, скрылся с места происшествия...

Игорь возмущённо закричал:

– Так я же тут же тебе всё и рассказал! Я же не скрывал ничего!

Пётр Иванович вздохнул:

– Не скрывал... от меня... а ребёнка бросил одного на обочине дороги...

– Но я передавал потом ему в больницу яблоки, мандарины!..

– Через своих друзей... – перебил сына Пётр Иванович, – сам же так и не пришёл к нему ни разу...

– Так он же быстро поправился! К счастью, у него только нога и рука были сломаны. Всё зажило... кости срослись правильно, я проверял...

– Через друзей проверял... – Пётр Иванович тоже опёрся локтями о стол, опустил голову, как будто стыдясь взглянуть сыну в глаза, – как вор... из-за угла... Вот первый маленький червячок тогда и завёлся в твоей душе...

Игорь опять в раздражении вскочил и стал быстро ходить по комнате:

– Ну хорошо, если я был не прав, почему же ты тогда не пошёл в прокуратуру, не доложил, что это я сбил пацана?!

– Отцы сыновей не сдают. Это сыновья могут отцов... Как Павлик Морозов...

Игорь остановился около отца:

– Но ты же тогда даже совет не дал мне идти в прокуратуру!

– Не дал. А к мальчику очень просил сходить. А там уж, как он бы решил, так и было бы: прощение тебе или суд...

Игорь сел, охватил голову руками:

– Ну хорошо, струсил я тогда... Но меня ведь могли бы выгнать из спецназа! Как ты это не можешь понять? А спецназ для меня – это вся моя жизнь!

В глазах Пётра Ивановича скользнуло раздражение:

– Тебе спецназ нужен, а ты – спецназу?.. Труссы спецназу нужны?..

– Ну ты совсем уже, отец! – всплеснул руками Игорь. – Как будто я и на самом деле трус!

– Конечно, трус, сынок... – спокойно ответил Пётр Иванович. – Да-да, трус, можешь не сомневаться, я в людях и в жизни разбираюсь...

Игорь замотал головой, сжимая её как во время сильной боли ладонями:

– Не знаю, не знаю... Из-за одного-единственного, прямо скажем, мелкого прегрешения ты, отец, делаешь такой жестокий вывод обо мне...

Пётр Иванович с горечью усмехнулся:

– Ну во-первых, не мелкого... Падение твоё началось именно тогда, с этой самой мелочи... А во-вторых, почему же – из-за одного? Я обещал два примера, так вот тебе и второй... Помнишь, пять лет назад к тебе за помощью обратился твой бывший сослуживец Андрей Никитин? Помнишь?

Игорь опять откинулся на спинку стула, вытянул ноги, закрыл глаза:

– Ну... что-то было... точно уже не помню...

– И этого ты не помнишь... Беспамятному до бессовестного – один шаг, сынок... А ведь вы с Андреем вместе, плечо к плечу, воевали в горячих точках, жизнью не раз рисковали, а ты не помог ему...

Игорь возмущённо вскочил:

– Ну подумаешь, не помог получить боевые! Это же не в бой идти! Боевые это всего лишь деньги! Бумажки!

– А я ведь не говорю, что Андрей шёл на смерть из-за бумажек.

Игорь усмехнулся, иронически протянул:

– А из-за чего же ещё?!

Пётр Иванович с удивлением оглянулся на Игоря, огорчённо пробормотал:

– Вот так-так, сынок! Из-за чего, значит, ещё?.. Он за родину воевал, сынок. За родину...

Игорь ехидно засмеялся:

– Как высокопарно! За родину! Знал бы, что боевых не будет, тут же слинял бы... И мне потом нервы не трепал бы... Вояка за казначейские бумажки...

Пётр Иванович огорчённо и растерянно покачал головой:

– Вот, значит, как ты думаешь...

Игорь снова сел, демонстративно откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза:

– А как иначе можно думать? Так ведь и есть, отец...

Пётр Иванович повысил голос:

– Да этих бумажек, сынок, людям едва хватает на восстановление здоровья, изуродованной войной психики! Разве на них разбогатеешь?..

Игорь равнодушно и вяло засмеялся:

– Ты просто не знаешь, отец! Некоторые разбогатели! И ещё как разбогатели!

– Только тыловые финансовые крысы типа той, что присвоила себе боевые Андрея... – возразил Пётр Иванович.

Игорь усмехнулся:

– Так я их-то и имел в виду!

– Ну а что же ты крыс-то испугался... Да ещё и тыловых... Побоялся даже просто подтвердить, что Андрей вместе с тобой участвовал в боевых операциях, за которые ты-то получил боевые по полной программе, а ему какой-то ворюга из финчасти показал вот такой, – Пётр Иванович скрутил фигуру из трёх пальцев, – кукиш!

Игорь снова встал, но на сей раз в его поведении не было заметно недовольства и раздражения, скорее было искреннее желание что-то объяснить отцу:

– Видишь ли, отец... – опёрся он костяшками пальцев о стол, – ты правильно назвал их крысами... Мне в бою было не так страшно, как с ними столкнуться... Понимаешь? Нет, это не для меня... Извини...

Пётр Иванович огорчённо кивнул:

– Вот-вот... Поэтому я, а не ты, написал в генпрокуратуру. Хорошо, разобрались, нашли свидетелей подвигов Андрея, а вора отправили в места, не столь отдалённые... Я, старик, ничего не испугался, а ты, сынок... – протяжно вздохнул он. – О-о-х... сынок...

– И всё равно, я не обязан разбираться с боевыми. Для этого финчасть имеется... – Игорь снова уселся на стул всё в той же демонстративно-расслабленной позе.

Пётр Иванович с огорчением взглянул на его равнодушное лицо:

– Да, это очень удобно – спрятаться за отсутствием обязанностей: а в законе не написано, что я обязан... И всё, моё дело – сторона... Совесть-то свою куда спрячешь, сынок?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.